

— Дровесину будем рубить прямо в горах, это избавит от расходов, и сразу сложим во дворе, э-э... Черепицу Матушка Тянь уже поехала закупать, но прибудет только через пару дней. Теперь ждём, пока принцесса утвердит счёт.

Цзи Сы, сидя на почётном месте, кивнула:

— Сяо Тао ведёт учёт, за деньгами обращайся к ней.

— Слушаюсь.

— А как с охраной? — спросила Цзи Сы.

Четверо-пятеро Тёмных стражей переглянулись, вытирая пот:

— По приказу принцессы... все пятьдесят человек отправили на задние горы распахивать целину. Говорят, хотят овощи посадить... кур да уток развести.

— Госпожа Пинь, госпожа Син... а кур и уток правда покупать? Если всех стражей на распахку отправили, кто же усадьбу сторожить будет?

— ...

Син'эр лишь покачала головой, не находя слов. Войска из Верхней столицы, с таким трудом освоившие ратное дело, чтобы послужить императору, — и всё равно не избежали участи пахарей.

Цзи Сы приподняла бровь, разглядывая два оставшихся у неё жетона с изображением мечей.

— Идите, занимайтесь своими делами. Сегодня в усадьбе гости, остальное обсудим завтра.

Когда все разошлись, Цзи Сы, спрятав жетоны, вышла из главного зала. Она приняла от слуги чай и, прислушиваясь к разговорам внутри, направилась в галерею.

Ли Ечжэнь привёз всю семью и сейчас заставлял госпожу Чжао извиняться перед Цинь Цзюнь, умоляя ту вернуться в княжескую резиденцию.

— Дедушка, всё в порядке. Это место мама оставила, как раз подходит, чтобы обосноваться, — сказала Цинь Цзюнь, облачённая в роскошные, многослойные одеяния, с высоко убранными волосами, открывавшими лоб, украшенный узором. Она спокойно приняла из рук Цзи Сы чашку и уселась на облупившийся деревянный стул. — Попьём чаю.

Цзи Сы поднесла чай всем присутствующим. Цзиньсю, вернувшаяся с Ли Ечжэнем к Цинь Цзюнь, стояла рядом с бесстрастным лицом.

Ли Ечжэню было за семьдесят, лицо его было изборождено морщинами, щёки и лоб покрыты шрамами, но держался он бодро. Взгляд — острый, облик — грозный, веял недюжинной силой. Та аура, что напитана полями сражений, заставила всех присутствующих замереть.

Цинь Цзюнь не видела Ли Ечжэня пять лет, но шестая принцесса с девяти лет была уже памятьлива. Ещё пять лет назад она боялась своего деда — в её памяти старый генерал был тем, кто мог заставить врагов сдаться без единого удара.

Цзи Сы, подав чай и избежав взгляда Ли Ечжэня, отошла к Цинь Цзюнь.

Та осторожно глянула на госпожу Чжао, затем отвела взгляд и сказала:

— Дедушка, в усадьбе очень хорошо, ваша внучка хочет остаться здесь...

Ли Ечжэнь с силой поставил чашку:

— Вздор!

Цинь Цзюнь, Ли Юэчуань, госпожа Чжао, госпожа Чжоу и даже Цзиньсю — все невольно вздрогнули.

— ...

Госпожа Чжао тут же соскользнула со стула на колени, заголосив:

— Папа! Отец! Прости меня!

Госпожа Чжоу подхватила:

— Дедушка...

Ли Юэчуань слегка кашлянул:

— Отец, это я недосмотрел.

Цинь Цзюнь неловко улыбнулась, подняла чашку, чтобы прикрыть лицо, глубоко вдохнула, собралась с духом и, опустив чашку, бросилась в объятия Ли Ечжэня. Глаза её были красны.

Принцесса в парче и нефритах, проделавшая долгий путь в Цзянчжоу, чтобы навестить родных, все тяготы пути и обиды, перенесённые в резиденции от тётки, — всё вылилось в сдавленные всхлипы:

— Дедушка, у-у-у-у!

Ли Ечжэнь опешил, суровое выражение его лица мгновенно смягчилось. Он обнял внучку, похлопывая по спине:

— Бедная моя девочка, настрадалась.

Цзиньсю наблюдала за этим с полным недоумением.

— ...

Цзи Сы достала шёлковый платок, прикрыла им губы и слегка кашлянула.

***

Глава 44

Долг

Когда Цинь Цзюнь назвала Ли Ечжэня дедушкой, это пробудило в каждом тяжёлые воспоминания. В зале послышались всхлипывания: госпожа Чжао, стоя на коленях, жалобно плакала, а госпожа Чжоу, поддерживая свекровь, присела рядом. Даже такие крепкие мужчины, как Ли Ечжэнь и Ли Юэчуань, стояли с покрасневшими глазами.

Госпожа Чжао причитала, захлёбываясь:

— Принцесса, в тот день я виновата! Муж уже и наказал меня, и отругал... Вы, великодушная, не помните зла малому человеку... Вернитесь, а? Умоляю!

Цинь Цзюнь промолчала.

— Тётя, вставайте, — наконец сказала она, скривив губы, и велела Цзиньсю помочь госпоже Чжао подняться.

Та, воспользовавшись моментом, ещё пару раз всхлипнула, затем встала, приняла от невестки платок, утёрла слёзы и спросила:

— Значит, принцесса меня простила?

— ...Да, тётя, не тревожьтесь больше, — ответила Цинь Цзюнь.

Госпожа Чжао тут же глубоко выдохнула, и на лице её появилась улыбка.

— Всё-таки принцесса разумна, не держит зла на такую незначительную, как я!

Ли Юэчуань фыркнул:

— Не радуйся раньше времени!

Цзи Сы лишь слегка тронула уголки губ, улыбнувшись многозначительно.

В дверях появилась Матушка Тянь. Она поклонилась и неспешно вошла внутрь.

— Старушка приветствует принцессу, князя, господина, двух госпож.

Ли Ечжэнь с удивлением взглянул на неё:

— Тянь Жун? Неужели это ты...

Матушка Тянь склонила голову:

— По велению покойной императрицы живу в этой усадьбе пятнадцать лет. Посчастливилось дожить до встречи с князем.

Матушка Тянь была уже очень стара: виски седые, лицо в глубоких морщинах. Пятнадцать лет она одна хранила усадьбу, и даже краткий рассказ о перенесённых тяготах растрогал всех присутствующих.

Ли Ечжэнь произнёс:

— Верная служанка.

Госпожа Чжао тут же предложила:

— Что ж... раз так, может, Матушка Тянь вернётся вместе с принцессой в резиденцию?

Госпожа Чжоу поддержала:

— Да, Матушка, наверное, в горах одиноко. Почему бы не последовать за принцессой?

Матушка Тянь рассердилась:

— Десять лет назад я не поехала за покойной императрицей в Верхнюю столицу, а теперь, когда принцесса вернулась в усадьбу, мне идти в эту никчёмную резиденцию?!

Госпожа Чжао онемела.

Ли Ечжэнь нахмурился.

Госпожа Чжоу мягко продолжала уговаривать:

— Матушка Тянь, вы уже выполнили волю своей госпожи. Вернитесь в резиденцию, спокойно проживёте остаток дней.

Ли Юэчуань, хмурясь, добавил:

— Цзюнь, уговори Матушку.

Матушка Тянь разозлилась ещё больше и стукнула посохом о пол:

— Не пойду! Эта жалкая резиденция и вполтину не сравнима с моей усадьбой «Дымчатые облака»!

— Матушка, — недовольно начала госпожа Чжао, — не говоря уж о прочем, нынешнее состояние усадьбы никак не сравнится с резиденцией. Взгляните на эти столы да стулья — краска облезла! На этом стуле сидишь — кажется, сейчас развалится...

Ли Юэчуань тихо, но строго оборвал её:

— Замолчи!

Госпожа Чжао обиженно отворотилась:

— ...Я же правду говорю.

Цзи Сы и Цзиньсю переглянулись, но промолчали.

Ли Ечжэнь слегка кашлянул, и все мгновенно затихли.

— Я не уйду. Хочу остаться здесь. Это земля, которую оставила мне мама. Если смогу поднять усадьбу — исполню её волю, — обняла Цинь Цзюнь Ли Ечжэня. — Дедушка, позвольте мне это.

Ли Юэчуань покачал головой:

— Прокормить сотню людей да содержать усадьбу — задача нелёгкая, Цзюнь. Послушай дядю, вернись в резиденцию. Найдём управляющих для этого поместья, а ты сможешь приезжать сюда, когда захочешь.

— Верно, — подхватила госпожа Чжоу. — Эти две горы — одни леса да пустоши. За пятнадцать лет лишь Матушка Тянь их стерегла, да и крестьяне не покушались распахать — земля, видно, тощая. Какой тут может быть промысел?

— Чай выращивать, шелкопрядов разводить — с голоду не помрём, — раздался голос Цзи Сы из-за спины Цинь Цзюнь.

— Слуги не должны вмешиваться! — возмутилась госпожа Чжао. — Принцесса, не смотрите, что усадьба велика, приводить её в порядок — дело нешуточное. За две горы, за тысячи му земли — сотни лянв серебра налога в год! Если все деревья вырубить — может, на год хватит, а потом всё равно к резиденции за помощью тянуться придётся! К чему себя обманывать?

— Госпожа Чжао! — Ли Юэчуань был вне себя. — Похоже, вчерашнего стояния в родовом зале тебе мало!

Госпожа Чжао тоже разозлилась, отвернулась и тяжело задышала. Госпожа Чжоу, растерянно похлопывая её по спине, пыталась успокоить.

Цинь Цзюнь подошла к столу, села и, держа в руках чашку, заявила:

— У меня уже есть соображения. Если ничего не выйдет — что ж, ладно. Но к помощи резиденции прибегать не стану.

Ли Юэчуань готов был тут же прибить госпожу Чжао. Он обратился к Цинь Цзюнь:

— Твоя тётя не это имела в виду...

Цинь Цзюнь опустила глаза, потягивая чай. На внешних уголках глаз блестели непросохшие слёзы, но выражение лица было упрямым, гнев — сдержанным.

Госпожа Чжоу потянула госпожу Чжао за рукав:

— Мама, как ты могла... Цзюнь же принцесса! — Разве ей не хватит каких-то сотен лянв на подати?

Но госпожа Чжао, бросив взгляд на Цзи Сы, презрительно на неё покосилась и вызывающе закатила глаза.

<http://bllate.org/book/16274/1465357>